

DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.005

О РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СЛОВ С КОМПОНЕНТОМ *НЫМÆТ* В НАРТИАДЕ ОСЕТИН

Ф.О. Абаева

В статье раскрываются характерные особенности слов, обозначающих войлоч-но-бурочные изделия в осетинском языке и находящих отражение в эпосе осетин. Актуальность исследования заключена в проведении междисциплинарного контекстного анализа ремесленной лексики, связанной с наиболее развитой отраслью скотоводства – овцеводством, составлявшим главное занятие предков осетин; ее лингвистическими особенностями, а также отражением в изделиях народного декоративно-прикладного искусства. Историко-этнографические сведения по традиционному осетинскому хозяйствованию свидетельствуют о достаточно широком применении шерсти (преимущественно овечьей и реже – козьей), что, безусловно, связано с распространением отгонного овцеводства. Техника изготовления предметов быта и одежды валянием шерсти уходит корнями в скифское прошлое осетин. В эпических сказаниях шерсть и шерстяные изделия встречаются в большинстве известных текстов. Отобранные методом сплошной выборки примеры из академического двуязычного издания осетинского героического эпоса «Нарты», включающими компоненты *нымæт/нимæт*, *бинаг/буйнаг*, явились предметом нашего анализа. Научная новизна статьи – в многоаспектности рассмотрения лексики традиционного хозяйствования – овцеводства – и изделий из шерсти овец, шедшей не только на удовлетворение потребностей семьи, но имевшей также товарное значение – «богатые хозяева использовали наемный труд, производя оплату шерстью» (Б.А. Калоев). Результаты исследования подвели к выводам: наряду с номинативами *нымæт/нимæт* в значении верхняя одежда – бурка – наиболее часты в текстах эпоса сочетания *нымæтын ехс*, *бинаг æхсæ*, *буйнагин æхсæ*, *буйнаг æхсæ* в значении «войлочная плетель», *сау нымæт* в значении «черная бурка»; чьи лексико-семантические особенности рассмотрены нами с применением общелингвистических методов.

Ключевые слова: осетинский язык; лексика материального хозяйствования; войлок; *нымæт*; контекст; семантика.

Для цитирования: Абаева Ф.О. О репрезентации слов с компонентом *нымæт* в Нартиаде осетин // Известия СОИГСИ. 2023. Вып. 50 (89). С.83-94. DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.005

Необходимость исследовать пласт лексики, связанный с хозяйственной деятельностью человека, не раз замечалась исследователями. И этому есть обоснование. Макролексика восходит к основному словарному фонду языка, охватывает в основном общую номинацию, а микролексика включает дифференцированные наименования каждого семантического гнезда, исследование которых чрезвычайно важно

в связи с тем, что горцы выживали за счет натуральных продуктов, получаемых от разведения скота, в частности овец.

Овцеводство, по Б.А. Калоеву, жизненно важный вид хозяйственной деятельности горцев-осетин [1, 164], давший богатейший слой животноводческой лексики и связанных с ним понятий. Выявление микролексики, обозначающей изделия из шерсти гор-

ных овец в текстах героического эпоса о нартах, на наш взгляд, представляет научный интерес.

Учеными отмечается, что производство войлока – одно из древнейших ремесел; оно упоминается Геродотом и Страбоном у скифов; войлочная одежда была известна сарматам и аланам, зафиксирована в Нартовском эпосе. В сказаниях часто упоминаются войлочные шляпы и войлочная плеть с волшебными свойствами [2, 86].

В качестве ключевой лексемы в статье выводится слово *нымæт/ нимæт*, которое в осетинском языке актуализируется в нескольких значениях. Это и *войлок*, и *бурка*. Примеры со словами, обозначающими бурку – *нымæт/ нимæт*, *бинаг*, – широко представлены в эпосе. Несколько реже употребительны лексемы *бинаг* в иронском диалекте осетинского языка, а в дигорском диалекте – *буйнаг* в значении «войлок», и этот факт объясняем возможным табуированием названия войлока как особого объекта материальной культуры осетин. В.И. Абаев обосновывает происхождение слова от основы *бын-«низ»* [3, 261].

Контекстный анализ эпических текстов на предмет упоминаний в них названий войлока, войлочной одежды или изделий из валяной шерсти выявил, что чаще всего встречаются словосочетания, обозначающие войлочную плеть: *нымæтын ехс*, *бинаг æхсæ*, *буйнаг æхсæ*, *буйнагин æхсæ*.

***Нымæтын ехс* – «войлочная плеть»**

Значение словосочетания *нымæтын ехс* – войлочная плеть (кнут). По мнению этнолингвистов,

толкование культурного знака *войлочная плеть* объясняет его как предмет, который используется в обрядах и магии в качестве орудия защиты от нечистой силы, а также как магическое средство наделения всего живого плодovitостью. Удар плетью (кнутом) является одним из древних средств и способов обеспечения плодородия, а действие и результат зависят от длины кнута [4, 34-35].

В нартовских сказаниях войлочная плеть встречается как волшебный предмет: удар ею превращает человека в животное:

*Афтæ дын чызг дæр йæ базы бынаг
Уæд нымæтын ехс маенма куы райста
Æма дын ма уæд йæ тых, йæ бонаг
Нымæтын ехсæй иу цаф нылласта,
Уым дын ма хæргæфс куы фестын кодта*
[5, 179].

Так девушка тоже из-под подушки (Тогда) войлочную плеть для меня достала
И изо всех сил, что есть мочи,
Войлочной плетью один удар нанесла,
Там меня в мула и превратила
(здесь и далее подстроч. пер. наш. – Ф.А.).

Еще Д.К. Зеленин писал о таинственных, колдовских силах плети (кнута): она делает многое такое, что недоступно силам обыкновенного человека [6, 205]. Есть в нартовских сказаниях тексты, в которых мертвые воскресают от удара волшебной плети:

*Æвдадз ехсæй йæ уый ракъæриц кодта,
Мæрдон фынагæй уый райхæл кодта,
Чындздзон чызг дын æй уым фестын
кодта...*
[5, 156].

Чудодейственной (волшебной) плетью ее он ударил,
От смертного сна он ее разбудил,
В девушку на выданье он ее там обратил.

В приведенных примерах происходит удивительное и невозможное в реальном мире – взаимное превращение людей и животных [4, 35].

Символика войлочной плети в осетинском героическом эпосе заключается в ее волшебных магических свойствах, разграничивающихся на: 1) оживляющие; 2) мгновенного достижения желаемого; 3) оборотнические; 4) очищающие. Качество **нымæтын** «войлочный», т.е. из чего изготовлена плеть (валяная шерсть), играет перво-степенную роль по отношению к непосредственному предмету **ехс** «плеть».

Оживляющая функция войлочной плети

«Ус сæ чызджы цонгыл баныхæста æмæ сæ **нымæтын ехсæй** æркъуырда; æркъуырæгамæ чызг, цы уыд, авд ахæмы фестад» [7, 80]. – «Женщина приложила крыло к руке девушки, ударила ее **войлочной плетью**: стала девушка в семь раз краше, чем была прежде» [8, 8];

«**Нымæтын ехсæй** æрцъыкк ласта марды, æмæ ус, цы уыд, авд ахæм хуыздæр фестад» [7, 97-98]. – «**Войлочной плетью** хлестнул умершую, и женщина стала в семь раз краше, чем была» [8, 24];

«Уастырджы **нымæтæй ехс** рахаста стджытыл. Цы уыдысты уыцы ус æмæ лæппу, уымæй рæсугъддæрæй райгас сты. **Нымæтын ехс** дæр ын йæ фындзыл рахаста. Цы уыди, авд ахæмæй рæсугъддæр йæ бынаты абадт» [7, 422]. – «Уастырджы провел по костям **войлочной плетью**. Ожили женщина и юноша, стали краше того, чем были. Уастырджы прикоснулся к носу Маргуца. И появился на прежнем

месте нос в семь раз краше того, чем был» [8, 475];

Агундæ-рæсугъд Сау хонхи бунмæ
Уæд ку æрхезуй тасæ-уасæгæнгæ;
Æ дари хæдони дусмæ сæ уæд ку æрæмбурд
кæнуй.

Сау хонхи сæрма уæд исæздæхуй,
Æ фиди сау кирæ уæд байгон кæнуй,
Уордиги сау буйнагин æхсæ уæд исесуй,
Сугъзæрийнæ саутæфтуд хæтæл уæд
ницæвуй,
Æстæмæй-астмæ аст хайи хуæздæр
уæд ку фестуй [7, 332].

Агунда-красавица, покачивая гибким
станом,
Спустилась к подножию Черной горы.
Собрала она [осколки] в шелковый свой
рукав,

Поднялась на вершину Черной горы,
Открыла она отцовский черный сундук
И достала из него черную войлочную
плеть,
Как ударила ею золотую с чернью свирель,
И стала она в восемь раз лучше, чем была
[8, 343].

«Æз дæр буйнаг æхсæ æристон,
мæхебæл æй æрхастон, 'ма, ци адтæн,
уой фестадтæн» [7, 398]. – «Хлестнул себя **волшебной плетью**, сделался [таким], [какой] я теперь есть» [8, 451];

«А хуцаути мæхе хуцау, аци адæй-
маг, æ дзамани куд адтæй, уотæ ци
феста, цæститæ ба йибæл ци нæ уа!
Æма æ буйнаг цъæфсæ фелваста, уо-
мæй æй æртæ дауди æркодта. Ци ад-
тæй, уомæй æндагъдæр фестадæй.
Рабадтæй 'ма нибберихтитæ кодта.
Фæйнердигæй дес кæнунцæ, алæмæт-
тæ» [7, 400]. – «О, бог, мой бог, пусть
этот человек станет таким, каким был
в свое время, но пусть он не видит. И
провел [Сослан] по костям трижды
своей **войлочной плетью**. И стал тот

лучше, чем был, ожил и зевнул. Смотрят со всех сторон и диву дивятся» [8, 452];

«Бахуардтонца, 'ма истгутæ еу рауæнмæ æримбурд кодта 'ма æ нивæрзæнæй **бинаг æхсæ райста 'ма сæ рацафта, 'ма фус, куд адтæй, уотæ фестадæй, æма æхе ниццагъта 'ма фусту астаумæ бацудæй**» [7, 135]. – «Поели они, собрал [уаиг] все кости в одно место, вытащил из-под подушки **войлочную плеть**, ударил по ним, и баран ожил, встряхнулся и вошел в середину стада» [8, 75];

«Урузмæг дæр фæстæмæ баздахтæй 'ма æ бæхи æстæгутæ æримбурд кодта 'ма сæ **бинаг æхсæй рацафта, 'ма бæх, куд адтæй, уотæ фестадæй** [7, 136]. – «Урузмаг вернулся назад в пещеру, собрал кости своего коня и ударил их **войлочной плетью**, конь стал таким, каким был» [8, 76].

Оборотническая функция войлочной плети

«Хуцау дин ма бакомæд, зæгъгæ, **буйнагин æхсæ æ нивæрзæнæй исиста 'ма мæ уомæй æрсæрфта: «Мæнæн куд хуарз, уотæ Бегендий гал фестæ!» Гал фестадтæн. Мæ уæзæг рафхæлидæ, мæ зунд ба ма махемæ адтæй, 'ма æфсой æварун нæбал уагътон. Уæдта мæ бæх фестун кодта. Фæ-ммæбæл-кустаг цалдæн мæ рагъ рафхалдай, уæди уалдæн; уæдта мæ куй фестун кодта» [7, 397]. – «Со словами: “Пусть не простит тебе бог!” – она взяла из-под изголовья **войлочную плеть** и провела ею по мне: “По моему желанию превратись ты в вола Бегенди”. Я превратился в вола. Шея моя покрылась ранами, а ум мой был еще при мне, и я не позволял больше на себя накладывать ярмо. А**

потом [она] превратила меня в лошадь. Проработала на мне до тех пор, пока не покрылась ранами моя спина, затем превратила она меня в собаку» [8, 440].

Функция мгновенного достижения желаемого

Следующий образец демонстрирует также магическую функцию предмета из войлока: «Уæд сæ Уастырджиджи **нымæтын ехсæй æрцъыкк ласта дыууæ 'фсымæры, æма съл фестад диссаджы цырт, йæ алыварс куиткъуири галуан** [7, 95]. – Тут Уастырджи хлестнул братьев **войлочной плетью**, и вырос над ними чудесный памятник, а вокруг него – галуан (оборонительный замок. – Ф.А.) на известковой кладке» [8, 22]. Заметим, что хлест войлочной плети символизирует магическую силу, с помощью которой герой добивается мгновенного появления желаемого (скорость хлеста).

«Æз мæ **нымæтын ехс** куы ахæссон денджызы былмæ, уæд дзы фестдзæн æфсæйнагæй сау галуан» [7, 200]. – «Если пойду я на берег моря с **войлочной плетью**, вырастет там черный железный замок» [8, 151];

«Уæдта æ нивæрзæн **буйнагин æхсæ, 'ма уомæй дæхе æрсæрфа, уæдта, хуцауи ка фæндауа, йе уодзæнæй**» [7, 398]. – «Под ее изголовьем имеется **войлочная плеть**, и потом проведи ею по себе, а после будет то, что угодно богу!» [8, 44];

«Æрчъиагмæ ис ахæм минууæг, æма йыл куы сбадай, уæд дæ кæдæм фæнда, уырдаем бахæцца кæндзæн. Фынджыта **нымæтын ехсæй** куы 'рцæвай, уæд хард æма нозтæй айдзаг вæййы» [7, 242]. – «Кусок кожи имеет такую особенность: сядешь на него, и [он вмиг]

доставит тебя туда, куда пожелаешь. По фынгу стоит ударить **войлочной плетью**, как он вмиг покрывается напиками и яствами» [8, 217].

Нымæт – «бурка»

Примеры из текстов, где встречаются названия бурки – *нымæт/нимæт, бинаг*, – выявили основные символическо-семантические признаки, вытекающие из контекста эпоса.

1) бурка – гендерный маркер:

«*Райсом Сатана рашыди, Уырызмаджы дарæс йæ уæлæ скодта, йæ нымæт ын райста, йæ даргъ жыккутæ болат хæсгардæй ралыг кодта, йæ гæртæ райста Уырызмагæн, йæхæдæг нарты раз æрлаууыди æмæ сын загъта: «Уæ фос раскъæрут, Схуалийы бæстæм сæ скъæрын»* [7, 116]. – «Наутро Сатана надела на себя одежду Урызмага, взяла его **бурку**, длинные волосы булатными ножницами отрезала, взяла оружие Урызмага, стала перед нартами и сказала им: “Выгоняйте свой скот, погоню его на земли Схуалия”» [8, 48];

2) бурка – символ условной защиты:

«*Куы акаст, уæд фæдта: уу ран авд мусы зылды йæс цъæх быдыр, æмæ уым хуыссыди лæтту, йæ нымæт йæ уæлæ, афтæмæй»* [7, 126]. – «Как посмотрел, то увидел, [что] в одном месте на пространстве семи кругов токов зеленый луг, и там спит мальчик, покрытый **буркой**» [8, 57];

«*Йæ цъæт йæ быны бакодта, йæ нымæт – йæ уæлæ, Æмæ ноджы æххормаг æмæ дойнайæ иннабонæй-иннабонмæ уыцы ран фæци»* [7, 175]. – «Меч – под себя, сверху **буркой** укрылся. Так, голодный, без воды, от одного дня недели до другого такого же дня недели там оставался» [8, 114];

3) бурка в качестве ложа:

«*Æмæ та Батрадз йæ хæдзары нæ уыди, афтæ йын хъомгæсы йæ усмæ барвыстой. Байæфта йæ уаты хъомгæсы, раздæхт кæртмæ, йæ нымæт йæ быны æрытыдта, йæ саргъ йæ нывæрзæн бакодта æмæ хурыскастмæ йæ къах дæр нал атылдта* [7, 287]. – «В другой раз, когда Батраза не было дома, послали пастуха к его жене. Застав в своей комнате пастуха, вышел он во двор, постелил себе **бурку**, под голову положил седло и до восхода солнца даже ногой не шевельнул» [8, 269].

4) бурка как принадлежность небожителей (божественных покровителей):

«*Æмзор куы рахъомыл, уæд æм æрцыдысты уæларвæй фæдыл уынынмæ Уастырджы æмæ Æфсати иумæ, Тутыр æмæ Уацилла иумæ, Софиа æмæ Илиа та иумæ. Хъан сæ размæ рацыди æмæ сын хистæрæй-хистæрмæ сæ бæхтæ райста. Сæ нымæттæ æмæ сын сæ ехсытæ дæр райста æмæ сæ уатмæ бахаста»* [7, 355]. – «Когда Амзор подрос, с небес пришли на него поглядеть сперва Уастырджи и Афсати, за ними Тутыр и Уацилла, за ними Софиа и Илиа. Воспитанник вышел им навстречу и, начиная со старшего, принял у них коней. Взял у них также **бурки** и плети и отнес их в комнату» [8, 370].

Относительно словосочетаний заметим, что в текстах сказаний употребительно устойчивое словосочетание **сау нымæт** «черная бурка», причем символика бурки вкупе с символикой цвета:

«*Æхсæвæ фæййевгъудæй. Æрбон æй. Ис-ин-цæттæ кодта хуаллаг [Сатана] 'ма рацудæй 'ма кæсуй мæсуги сæрæй*

'ма бауидта [лаехъуаени], ками адтаей, йеци бунатма: **сау нимаетей** аем-барзт, а саргъ а ниварзэни, уотемей хуссуй, а бах ба а аллифарс хезуй цъаех кардагбэл» [7, 131]. – «Ночь прошла. Наступил день. Приготовила ему Сатана еду и вышла, и посмотрела с вершины башни туда, где тот [юноша] расположился, – а он спит, накрытый **черной буркой**, седло под головой, и конь вокруг него зеленую траву щиплет» [8, 62];

«Уотæ рæхги ба 'й Йелæхсардтон фæйидта, фæ-'й-æхста, 'ма, а къах куд фергъувта, уотæ и фат йе 'скъели исæмбалдаей, 'ма и биццеу куресау зурзурæй айнаги фарсбэл ратулдаей. Со-слан дæр а дууæ уацахæссæн цонгебэл **сау нимает райтудта** 'ма 'й уотемей, анаæ занхæмаæ æруадзгæ, раахæста» [7, 181]. – «А тем временем заметил его Елахсардтон, выстрелил в него, и в то время, как он поднял ногу, стрела попала ему в пятку, и мальчик, подобно снопу, скатился по склону скалы. А Со-слан разостлал на своих могучих руках **черную бурку** и поймал его, не дав ему прикоснуться к земле» [8, 120];

«Райсоммаæ йæхи сцæттæ кодта: йæ **сау нимает** – хурхбаст, йæ урс куырæт – хæстагънаг» [7, 199]. – «К рас-свету [Созырыко] собрался: **черная бурка** у шеи завязана, белый бешмет на все пуговицы застегнут» [8, 150].

Словосочетание **нимаеты дымджытæ** «полы бурки», встретившееся единожды в текстах сказаний, имеет характерную семантическую интерпретацию в конкретном примере, где полы бурки, в которые помещаются лягушки, превращаются далее в людей: «Уырдыгаей ацауы нартон Со-

зырыхъо, фæцауы. Æмаæ иу зындоны цадмаæ бахæциæ, хæфсæй йæ тæк-каæ дзаг. Фæцауы уыцы ран йæ хъандзалсафтæг бахыл ленкгаенга. Йæ **нимаеты дымджытыл** чи хæст кæны, йæ бахы хъуынтыл ынчи хæцы, – йемаæ сæ ласы фаллаг фарсмаæ, хуыскъмаæ. Уырдаем сæ куы аласы, уæд адаем фестыныц [7, 201]. – «Поехал дальше нарт Созырыко. Едет. И вот перед ним озеро ада; полное лягушек. Стал он переплывать через озеро на упругокопытном коне. [Лягушки] за полы бурки его хватают, за шкуру коня, всех их [Созырыко] на берег вытаскивает. Здесь они в людей превращаются» [8, 153]. Так, здесь у войлока прослеживается оборотническая функция.

Бурка может выступать в качестве места, где можно принять гостя: «Маенкъæй лаг йæ **чысыл нимает** æрбадафта, зæххыл æй æрытыдта аема дзуры: «Нæртон лаг, ууыл уал æрбад!» [7, 250]. – «Маленький человек вмиг принес свою **маленькую бурку**, на земле расстелил и сказал: “Нартовский муж, присядь пока на ней!”» [8, 225].

Вызывает интерес семантика бурки, предназначенной для жениха – **сæдаæ гъунемæй нимает** «сторунная бурка» (т.е. густошерстная), **нивгун нимает** «счастливая бурка»:

«[Уæдта] Болат-Хæмиц загъта: «Дууæ уоси мин адтаей. Еубон мин **сæдаæ гъунемæй нимает** кодтонцаæ 'ма мабæл али зари сæр хастонцаæ: «Аци **нимает** уæхæн **нивгун нимает** уодзæнаей, 'ма нин наæ сæри хецау Ауармаæ цаудзæнаей, Ауари рæсутъд хъума-цтаей нин а нахæтбæстаæ идагаей хæсдзæнаей. Ауари рæсугъд кизги ба нин æртыккагаен хондзæнаей» [7, 398]. –

«Болат-Хамиц сказал: «У меня было две жены. Однажды они валяли мне **бурку из ста рун** и пели про меня всякие песни: “Эта **бурка** будет такой **счастливой буркой**, что господин нашей головы будет ездить в Аварию, будет приводить полные походные сумы аварских красивых тканей, а красавицу Аварии приведет себе третьей женой!”» [8, 44].

То же значение имеет *сторунная бурка* и в песне «Уонай»:

Уой, уонайи уонай, уонай!

Нарти нэртон Сатана **сэдæ гъунемæй**

Урузмæгæн **нимæт** кодта.

Алли муггагæй фæйна кизги бæргæ

æрхонуй,

Нæудæс æма цуппаринсæй кизгемæ

Фæйна гъуни бæргæ равардта,

Уой, уонайи уонай!»

[7, 112]

Ой, уонай, уонай, уонай!

Нартова нартовская Сатана

Из **ста рун** Урузмагу **бурку** готовила.

Из каждой фамилии по девице она

пригласила,

Девяноста девяти девицам по одному руну

дала.

Ой, уонай, уонай!

[8, 44].

Встречается символика войлока как исцеляющего материала:

«Æхсæвæ йин еу **буйнаг**, къуми ка уида, уæхæн æ буну ниггæлстонца; и **буйнаги** ба хуцау æразиннун кодта, и уосæ кабæл хуссидæ, уæхæн. Æхсæвæ Ацæмæз ниххустæй **буйнагбæл** 'ма бонмæ æ цæфтæй исдзæбæх æй. Фæттæ æ фæрстæй фæккалдæнца 'ма æ размæ устур кæрæ иссæнца» [7, 320].

– «На ночь бросили [Ацамаза] на какой-то **войлок**, который всегда валялся в углу. **Войлок** же оказался таким, на котором спала жена Тогус-алдара. На

ночь Ацамаз лег спать на **войлоке** и к утру исцелился от ран. Стрелы выпали из его боков, и образовалась большая куча [стрел]» [8, 318].

Белая бурка, как видно из контекста, может выступать особо ценным и почетным подарком: «Насиранмæ фиццагидæр хунæ æрцудæй, хунæн ба йин ци æрцудæй? Уорс фури гъунтæй ин ласгæ гъунæй нимæт æрцудæй, уой хæцицæ ба йин тъасхæ æрцудæй Тогус-æлдари бæхæргъау ратæруни туххæй» [7, 317]. – «Насиран получил подарок – а что он получил в подарок? Из **шерсти белого барана бурку, сделанную из отборных шерстинок**, а вместе с этим он получил весть об удобном случае угнать табун коней Тогус-алдара» [8, 315].

Белая бурка маркирует также небожителей:

Нæ рохс изæдтæ унаффæгæнгæ

Сау хонхи размæ бахæстæг унца.

Æрфестæг унца уæларвон бæхтæй.

Сау кæрттуй буну урух надгæрон.

Баласи аууон цъæх зæлди астæу

Æритауница сæ уорс **нимæттæ**»

[7, 325]

Наши светлые изэды, беседея,

К Черной горе приближаются.

Сходят с небесных коней

Под [тенью] черной груши, у широкой

дороги.

В тени дерева на зеленой траве

Расстилают свои **белые бурки**»

[8, 336].

Белый войлок может выступать средством защиты: «Амæн марæн нæй, – загъта Куырдалæгон, – фæлæ сын авд ивазны уæрм скъахын кодта йæ куырдадзы фарсмæ; уæрмы сæрыл **урс бинаг байтыдтой**, æмæ уым Асана ныххауди, куырды куыст куы кодта, уæд. Бори-

атай йае уармы фидар нымбарзтой» [7, 340]. – «Ему смерти нет, – сказал Курдалагон, – но заставил их вырыть яму в семь саженой около своей кузницы. Над ямой растянули **белый войлок**, и Асана туда упал, когда кузнечеством занимался. Бораевы его в яме крепко закрыли» [8, 351].

Войлок выступает в качестве подстилки, но указывает на значимость животного, которому он подостлан (Урузмаг-собаке): «*Æз дæр еу иуонг исистон 'ма 'й бахсидтон, уæдта бабæй инней, уотемæй мæхе бафса-стон, æхсæвæ ба кæронмæ ниллæудтæн, мæ бунн буйнаг нийтудтонца, уотемæй*» [7, 397]. – «Я достал одну лопатку и ободрал ее, а потом и другую, так и наелся, а ночью стал сторожить, причем под меня подостлали **войлок**» [8, 440].

Встретилось также сложное существительное с подчинительным отношением компонентов, в котором опорное слово является названием действия, осуществленное уточняющим компонентом *нымæттухæг*: «*Нарты хъæуæн сæ цæутæ акодта чындзхæссаг: Хæмыц – хæдзары хицау [хистæр уазæг], Созырыхъо – нымæттухæг [дзауматухæг], къухылхæцæг – Батырадз*» [7, 108]. – «Пригласил именитых нартов быть дружками: Хамыц – хозяин дома [старший гость], Созырыко – **бурку** заворачивающий [вещи заворачивающий], Батраз – шафер» [8, 40-41]. Так в данном слове войлок актуализирует значение «приданое».

Вычлененные из текстов сочетания устойчивы. Структурная характеристика: образование терминов – прилагательное *нымæтын* + существитель-

ное *ехс*. Лексема *бинаг* выступает и в качестве прилагательного в сочетании с существительным *æхсæ*, и в качестве существительного, определяемого прилагательными *сау, уорс*.

нымæтын ехс – войлочная плетель

бинаг / буйнаг æхсæ – войлочная плетель

буйнаг цъæфсæ – войлочная бечевка
сау буйнагин æхсæ – черная войлочная плетель

нымæт – бурка

сау нымæт / нимæт – черная бурка

урс бинаг – белая бурка

уорс нимæттæ – белые бурки

чысыл нымæт – маленькая бурка

сæдæ гъунемæй нимæт – сторунная бурка

уорс фури гъунтæй ин ласгæ гъунæй нимæт – бурка, изготовленная из отборной шерсти белого барана

нивгун нимæт счастливая бурка (о бурке жениха. – Ф.А.)

нымæты дымджытæ – полы бурки

буйнагбæл – под войлоком

нымæттухæг – букв. заворачивающий войлок (персонаж свадебной обрядности осетин, отвечающий за перевозку приданого невесты в дом жениха. – Ф.А.).

Заслуживают отдельного внимания с точки зрения их контекстного анализа примеры из Приложений к основным текстам на русском языке.

Бурка в них:

– **волшебный предмет, способный действовать самостоятельно:**

«Ацамаз взял оружие и **черную большую бурку** своего отца. Когда Ацамаз оседлал коня, то **черная бурка** завернула сама себя и привязалась к седлу в тюряка сзади» [8, 324];

«Когда Насран-алдар слез со своего коня и хотел присесть около огня, то в это время **черная большая бурка** завернула сама себя в кружок и подкапталась под Насран-алдара, и тот сел на нее. Но он не догадался, что это **бурка** его присяжного брата Аца, а когда борзые собаки, цбелы и кудыркудзы, почувяв инстинктивно Насран-алдара, окружили его с веселым визгом, а орлы сели на плечи его, он узнал Ацамаза и, обвиняя его, сказал ему, расплакавшись и со слезами...» [8, 326];

– **прикрытие**: «Урызмаг, Сыбалц и Сосырыко отправились на высокий холм, где Суай под **буркой** своей спал крепким сном» [8, 431];

«В это самое время Суай выхватил так ловко и скоро из-под **бурки** из колчана стрелу, пустил ее по козе, что она тут же пала убитой. А сам в одно мгновение успел незаметно спрятать стрелу под **буркой**» [8, 431];

«Ночью Суай лег опять под своей **буркой** около лошадей» [8, 433].

– **обманная мишень**: «Батраз взошел на холм. Поставил свою **бурку** на вершине, а сам спустился к окраинам холма и спрятался там» [8, 454];

«Сослан поставил свою **бурку** в указанное место, а сам, отбегая в сторону, закричал великану, что все готово. Великан бросил в ту сторону, где стояла **бурка**, громадным камнем – и **бурки** как не бывало» [8, 455].

По мнению М.В. Дарчиевой, эти и множество других примеров «дают нам представление о четком разграничении эпического пространства и выделении, прежде всего, пространства “чужого”, неизведанного, нетронутого, еще не покоренного или не разоренно-

го героем, и все обозначенные характеристики укладываются в понятие освоенности» [9, 291-292].

Бурка воспринимается как свое пространство, где герой находится под защитой:

«Уарп-алдар, заметив такую тишину, распорядился сам собою: снял сам со своего коня седло и подложил его для изголовья себе, стреножил своего коня и лег под своей **буркой** среди двора» [8, 480];

«Предание говорит, что **бурка** Аца имела такую волшебную силу, что она сама себя развертывала, сама себя заворачивала в кружок – в тюряка, сама себя привязывала сзади седла и развязывала сама себя» [10, 92].

Е.Б. Бесоловой замечено, что в тексте сказаний наблюдаются и синонимичные формулы-фразеологизмы. Ср. *пылыстаг къæлæтджын – сыгъæрин къæлæтджын; æвдадз бæлас – сыгъæрин бæлас; æвдадз ехс – нымæтын ехс – Уастырджийы ехс...* [11, 149].

Таким образом, запечатленные в эпосе фольклорно-мифологические представления осетин, уходящие корнями в глубокую древность, являются ценным источником в плане содержания языковых и историко-этнографических данных о самобытности и неповторимости национального менталитета, ментальных языковых формул, устойчивых выражений, этнических моделей образности вербального текста [11, 142]. Овцеводство обеспечивало сырьем и продуктами. Как пишет Б.А. Калоев, издревле из шерсти изготовлялись не только войлочные бурки, паласы, но и отличное общеизвестное «осетинское сукно» [1, 177].

Приведенные примеры показали, что самое прямое отражение явлений реальной действительности осуществляется в лексике языка, причем появление названий любой реалии или явления невозможно вне опыта человека. Результаты познания и опыта фиксируются в словах и словосочетаниях – номинативных единицах языка, а овцеводческая терминология представляет собой специфическую часть лексической системы осетинского языка, сохраненной сказаниями о несравненных нартах. Тщательное опи-

сание лексики домашних промыслов и ремесел осетинского языка с целью систематизации и унификации терминологии при составлении словаря отраслевой лексики в перспективе представляется нам весьма актуальным. Если учесть, что отраслевая лексика с ее многовековой историей формировалась в разные исторические эпохи, заметим к тому же – неодинаково, то изучение процессов ее эволюции сможет дать ответы на многие вопросы истории осетинского языка.

1. Калоев Б.А. Осетины: Историко-этнографическое исследование. 3-е изд. М.: Наука, 2004. 471 с.
2. Канукова З.В., Цогоев Б.Т. Знаковые функции и символы одежды в нартовском эпосе осетин // *Kavkaz-Forum*. 2020. № 3(10). С. 80-93.
3. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М.–Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. Т. I. 655 с.
4. Бесолова Е.Б., Моргоева Л.Б. О семантике культурных знаков в Нартиаде // *Вопросы литературы и фольклора*. 2018. № 10-2. С. 32-49.
5. Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2011. Нартовские сказания: Эпос осетинского народа. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. Т. 6. 544 с.
6. Зеленин Д.К. Избранные труды: Очерки русской мифологии. М.: Индрик, 1995. 432 с.
7. Нарты. Осетинский героический эпос: в 3-х кн. М.: Наука, Кн. 1. 1989. 431 с.
8. Нарты. Осетинский героический эпос: в 3-х кн. М.: Наука, Кн. 2. 1989. 496 с.
9. Дарчиева М.В. Завоевательные походы в осетинских сказаниях // *Всероссийские Миллеровские чтения*. 2012. № 3. С. 289-300.
10. Нарты. Осетинский героический эпос: в 3-х кн. М.: Наука, Кн. 3. 1991. 174 с.
11. Бесолова Е.Б. О лингвистическом аспекте эпической формулы в Нартиаде // *Известия СОИГСИ*. 2022. Вып. 45(84). С. 140-153.

Abaeva, Fatima O. – V.I. Abaev North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of the Vladikavkaz Scientific Centre of RAS (Vladikavkaz, Russia); fatimabaeva@hotmail.com

ON THE REPRESENTATION OF WORDS WITH THE COMPONENT *NYMÆT* IN THE OSSETIC NARTIADA.

Keywords: Ossetian language, vocabulary of material management, felt, *nomæt*, epic lexicon, context, semantics.

The article reveals the characteristic features of words denoting felt and burlap products in the Ossetic, and which are reflected in the Ossetic epic. The relevance of the study lies in conducting an interdisciplinary contextual analysis of craft vocabulary associated with the most developed branch of cattle breeding – sheep breeding, which was the main occupation of the ancestors of the Ossetians; its linguistic features, as well as reflection in products of folk arts and crafts. Historical and ethnographic information on traditional Ossetian farming indicates a fairly widespread use of wool (mainly sheep and less often goat), which is certainly associated with the spread of transhumance sheep farming. The technique of making household items and clothing by felting wool is rooted in the Scythian past of the Ossetians. In epic tales, wool and woollen products are found in most known texts. Examples selected by a continuous sampling method from the academic bilingual edition of the Ossetic heroic epic “Narts”, including the components *nymæt/nymæt*, *binag/buinag*, were the subject of our analysis. The scientific novelty of the article lies in the multidimensional consideration of the vocabulary of traditional farming – sheep breeding – and products made from sheep wool, which were used not only to satisfy the needs of the family, but also had a commercial value – “rich owners used hired labor, paying in wool” (B.A. Kaloev). The results of the study led to the following conclusions: along with the nominatives *nymæt/nymæt* in the meaning of outerwear – burka, the most common combinations in the texts of the epic are *nymætyñ ekhs*, *binag ækhsæ*, *buynagin ækhsæ*, *buynag ækhsæ* in the meaning of “felt whip”, *shau nymæt* in the meaning of “black burka” “; whose lexical and semantic features have been examined by us using general linguistic methods.

For citation: Abaeva, F.O. On the representation of words with the component *nymæt* in the Ossetic Nartiada // *Izvestiya SOIGSI*. 2023. Iss. 50 (89). Pp. 83-94. (in Russian). DOI: 10.46698/VNC.2023.89.50.005

References

1. Kaloev, B.A. *Osetiny: Istoriko-etnograficheskoe issledovanie* [Ossetians. Historical and Ethnographic Study]. Moscow, Nauka, 2004. 471 p.
2. Kanukova, Z.V., Tsogoev B.T. *Znakovye funktsii i simvoly odezhdy v nartovskom epose osetin* [Significant functions and symbols of clothing in the Ossetic Nart epic]. *Kavkaz-Forum*. 2020, no. 3(10), pp. 80-93.
3. Abaev, V.I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Moscow–Leningrad, USSR Academy of Sciences, 1958, vol. I. 655 p.
4. Besolova, E.B., Morgoeva, L.B. *O semantike kul'turnykh znakov v Nartiade* [On the semantics of cultural signs in Nartiada]. *Voprosy literatury i fol'klora* [The Literature and Folklore Questions]. 2018, iss. 10-2, pp. 32-49.
5. *Nartovskie skazaniya: Epos osetinskogo naroda* [Nart tales: Epic of the Ossetian

people]. Vladikavkaz, North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies, 2011, vol. 6. 544 p.

6. Zelenin, D.K. *Izbrannye trudy: Ocherki russkoi mifologii* [Selected works: Essays on Russian mythology]. Moscow, Indrik, 1995. 432 p.

7. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos: v 3-kh kn.* [The Narts. Ossetic heroic epic: in 3 books]. Moscow, Nauka, 1989, vol. 1. 431 p.

8. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos: v 3-kh kn.* [The Narts. Ossetic heroic epic: in 3 books]. Moscow, Nauka, 1989, vol. 2. 496 p.

9. Darchieva, M.V. *Zavoevatel'nye pokhody v osetinskikh skazaniyakh* [Conquests in Ossetian legends]. *Vserossiiskie Millerovskie chteniya* [Miller Russian Readings]. 2012, iss. 3, pp. 289-300.

10. *Narty. Osetinskii geroicheskii epos: v 3-kh kn.* [The Narts. Ossetic heroic epic: in 3 books]. Moscow, Nauka, 1991, vol. 3. 174 p.

11. Besolova, E.B. *O lingvisticheskom aspekte epicheskoi formuly v Nartiade* [On the linguistic aspect of the epic formula in Nartiada]. *Izvestiya SOIGSI* [Proceedings of the North Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies]. 2022, iss. 45(84), pp. 140-153.